

Это действительно были не просто слова ради демонстрации «гармонии». Гу Тинье на самом деле помог своей жене сесть, Минлань откинулась на спинку и выглядела бледной и слабой. Госпожа Ван повернула голову, чтобы не смотреть на них, и приложила огромное усилие, чтобы подавить гнев. Как только она собиралась заговорить, Чанбай неожиданно заговорил:

— Невестка пыталась убить свою свекровь, это входит в десятку непростительных вещей. В соответствии с законом, преступника обезглавливают. Я прибыл слишком поздно.

Ван Ши была так напугана, что едва не вскочила. Что сказал её сын?!

Госпожа Ван остолбенела.

— Ты уже давно живёшь за пределами столицы, твоя мать так давно тебя не видела, — с неискренней улыбкой сказала она. — Ты только вернулся. О чём ты говоришь?

Лицо Чанбая сильно загорело, он не был таким же красивым, как раньше, однако его несгибаемый дух не изменился. Он жил снаружи в течении нескольких лет, и, естественно, привык быть хозяином положения и обладал достаточной силой, чтобы продолжать себя так вести.

— О, разве моя бабушка только что не сказала моему отцу, что если об этом деле станет известно, то моя тётя сможет избежать наказания, но моя мать обречена?

Выражение лица госпожи Ван изменилось.

— Ты знаешь?.. — Ван Ши крепко вцепилась в рукав своего сына.

— Я знаю, — взглянув на свою мать, легко ответил Чанбай.

Минлань была так удивлена: она ведь приложила множество усилий, чтобы новость не распространилась, как её старший брат мог узнать все эти детали так быстро?

Её ладони вспотели, но она увидела, как Гу Тинье, сидевший рядом с ней, коротко кивнул и одними губами произнёс «Гунсунь». Минлань выдохнула. Стража, которую она использовала, чтобы опечатать поместье, арестовывать людей и пытаться их, была создана господином Гунсунем. Результаты допроса были им известны, как бы они не доложили ему, чтобы об этом вовремя мог узнать Гу Тинье? Услышав детали, он наверняка сразу же отправился к нему и рассказал ему все детали этого внутреннего семейного дела.

Госпожа Ван кинула взгляд на Гу Тинъе, ей стало не по себе.

— Вы проделали долгий путь после тяжёлой работы, боюсь, вы не всё знаете, — с улыбкой сказала она.

— То, что сказала бабушка, неправда, — фыркнул Чанбай. — Вы имеете в виду то, что моя тётя искала людей, чтобы сделать яд, или то, что моя тётя солгала моей матери об отравлении?

— Твои тётя и мать обе в запутались, поэтому попали в такую ужасную ситуацию, — напрягшись, ответила госпожа Ван, продолжая улыбаться.

— Моя мать действительно была сбита с толку, раз думала, что её близким родственникам всегда можно доверять, — покачал головой Чанбай. — Кто мог знать, что её сестра обманет её, чтобы убить её свекровь? Что касается моей тёти... Это был хороший план, спланированный и исполненный шаг за шагом. Я ясно вижу, где именно и кто запутался.

— Чем старше вы становитесь, тем больше у вас собственных идей, и тем меньше вы слушаете старших, — госпожа Ван была недовольна, она хлопнула по подлокотнику.

— Что моя бабушка хочет, чтобы я услышал? — подняв голову и посмотрев на неё, поинтересовался Чанбай.

Встретившись с его суровым взглядом, похожим на взгляд её покойного мужа, госпожа Ван едва не задыхнулась.

— Моя тётя отравила мою бабушку, обманув мою мать, из-за чего вся семья была перевёрнута с ног на голову. Моя бабушка хочет, чтобы меня не привлекали к ответственности? — Чанбай остановился посреди зала, его голос был низким. — Мой отец не желает просто так отпускать мою тётю. Моя бабушка фактически угрожала моей матери и мне, чтобы заставить моего отца подчиниться. Но разве моя мать и я — не плоть и кровь семьи Ван?

Лицо госпожи Ван покраснело.

— Хороший мальчик, ты не знаешь, — с трудом произнесла она. — Если это дело станет известно, тебе будет особенно плохо. Твой отец тоже боится этого...

— Тогда не создавайте проблем, — холодно ответил Чанбай, смотря на неё. — Что касается моей тёти, даже если законы страны могут её пощадить, семейные законы не могут. Либо мы сообщаем о ситуации моему дяде и просим семью Кан разобраться с этим, либо моя бабушка должна объясниться. Мы должны закрыть двери и вынести приговор, чтобы никто не узнал.

— Что вы собираетесь с этим делать? — у госпожи Ван выступил пот на лбу.

— Заплатить жизнью за жизнь — справедливо и правильно, — Чанбай не колебался.

— Она твоя родная тётка! — схватившись за грудь, расплакалась госпожа Ван. — Вы связаны плотью и кровью... — она резко осеклась.

Минлань знала, что она собирается сказать, и была очень зла.

Чанбай повернул голову, чтобы посмотреть на Шен Хуна, который не мог скрыть своего беспокойства, на Ван Ши, которая выглядела виноватой и пристыжённой, на своего дядю Вана и его жену. Затем он обернулся и неторопливо произнёс:

— В этом мире трудно сказать, кто настоящая семья, а кто нет. Мой отец не был рождён моей бабушкой, мы с братьями и сёстрами не связаны с нею кровью, но всю свою жизнь бабушка посвятила нам и семье Шен. Она не щадила себя, была полна любви и доброты. Что касается моей тёти, то она — родная сестра моей матери, рождённая вашей законной дочерью. Живя в семье Шен, я ни разу не видел, чтобы она хоть раз заботилась о своей сестре. Зная, что этот поступок ужасен и повлечёт за собой тяжёлые последствия, она подталкивала мою мать, убеждая её в том, что нет ничего предосудительного в том, чтобы дать моей бабушке лекарства. Более того, теперь она хочет сделать мою мать козлом отпущения, как и вы. Это то, что совершают люди, связанные одной кровью.

— Ваша тётя была вынуждена так поступить, она была беспомощна! — едва не лишившись дара речи, произнесла госпожа Ван. — Она была так напугана, что потащила за собой и твою мать!

— Бабушка — разумный человек, так зачем вам говорить такие глупости? — Чанбай фыркнул, его губы изогнулись в усмешке, а на лице читалось лёгкое замешательство. — Моя тётя не паниковала. Она заранее спланировала эту засаду.

Госпожа Ван знала, что Чанбай был самым умным и интеллигентным из её внуков. Как что-то подобное могло скрыться от его глаз? С этим бессмысленно было спорить, стоило просто держать рот на замке.

— Моя тётя так жестока по отношению к моей матери, — неторопливо продолжил Чанбай. — Могу ли я по-прежнему относиться к ней, как кровной родственнице? Итак... — он сделал многозначительную паузу, а затем тяжело произнёс. — С сегодняшнего дня я и мои братья и сёстры более не имеют родственных связей с госпожой Кан, урождённой Ван. Независимо от законов страны, госпожа Кан должна быть наказана. Если моя бабушка будет настаивать на защите своей старшей дочери, я обращусь в суд.

Сердце госпожи Ван ухнуло вниз. Она очень хорошо знала характер Чанбая, как только он принимал решение, он никогда не менял его.

— Какой почтительный внук! — закричала она. — Если ты откроешь рот, чтобы пойти в суд, то тебе всё равно, жива будет твоя мать или мертва?!

— Мама, судя по тому, какие доказательства собрала шестая сестра, тебя действительно обманули, и ты не знала, что это яд, — повернувшись к Ван Ши, произнёс Чанбай. — Но когда матушка встретится чиновником в суде, это будет признано преступлением неповиновения. Исходом будет либо казнь, либо заключение.

— ...Но это ведь преступление... — дрожа, ответила Ван Ши.

— Мать действительно проявила неуважение к пожилой женщине, поэтому она заслуживает понести наказание за своё преступление, и страдать от некоторых лишений, — легко ответил Чанбай, он был совершенно невозмутим.

Ван Ши бросилась на стол и громко расплакалась. Она думала, что сын поможет ей спастись, и не ожидала, что он окажется настолько жестокосердным, что будет ратовать за наказание своей собственной матери.

Грудь госпожи Ван сильно вздымалась, она усмехнулась.

— Какой почтительный внук! Ваша мать совершила такое серьёзное преступление по отношению к своему старшему! Я хочу увидеть, как ты можешь продолжать спокойно жить, будучи её сыном?!

Эти слова были очень жестоки. Кто же знал, что следующим, что скажет Чанбай, будет:

— Конечно, нет. Я уже написал заявление об уходе, пока был в дороге. Я вручу его в тот же день, когда сделаю доклад о своей работе.

Сердце Минлань сжалось, она услышала хрип со стороны Шен Хуна, он в шоке выпрямился, вены на его шее вздулись. Ван Ши мгновенно перестала плакать и посмотрела на сына, оцепенев. Чанбай смотрел на свою мать.

— После того как моя мать совершила подобное, у меня нет лица, чтобы служить чиновником и выходить в общество, открывать рот и говорить о нравственности, верности и почтительности, — в его мягком голосе прозвучал намёк на скорбь. — Когда это дело будет обнародовано и закончится, я уйду, подав в отставку.

В доме было тихо, можно было услышать, как упадёт иголка. Дядюшка Ван выглядел пристыжённым, качал головой и вздыхал, а тётюшка Ван казалась взволнованной и недовольно смотрела на свою свекровь.

Ван Ши вскочила и бросилась на своего сына, дёргая его за рукава и рыдая.

— Ты не можешь уйти в отставку, ты не можешь уйти в отставку! Мой хороший мальчик! Ты служил четыре года! Ездил с юга на север, тебя все хвалили за то, что ты умный и

внимательный, усердно работаешь днём и ночью и никогда не останавливаешься на следующий день! Не важно, разгар это знойного лета или жуткий зимний холод, когда легко обморозить руки! Если ты оставишь службу, я, как твоя мать, буду огорчена!.. После более чем десяти лет лишений, ты завоевал славу, теперь у тебя хорошее будущее, ты не можешь отказаться от всего этого из-за своей матери, которая сделала тебе больно!

Эти слова были сказаны от всего сердца, вся семья Ван и Лиу Кун отвернулись, утирая слёзы. Все, кто их слышал, вздохнули от волнения. На сердце у Минлань было горько. Чанбай поддержал Ван Ши, глаза его были красными.

Ван Ши была так взволнована, что вытерла слёзы рукавом, не обращая внимания на своё достоинство.

— Это всё вина моей матери, это всё вина моей матери! — она усмехнулась, повернувшись к госпоже Ван, которая сидела во главе. — Отныне у моей матери будет только одна дочь! Мне всё равно, выживу я или умру... Я пойду в суд и расскажу обо всём, и если меня захотят убить или порезать, я приму это!

Сердце госпожи Ван резко сжалось, она не сдержалась и закричала в ответ:

— Ты дурра, я родила тебя в октябре, как я могу игнорировать твою жизнь и смерть!

— Чтобы защитить мою сестру моя мать угрожала создать проблемы, — холодно фыркнула Ван Ши. — Даже официальная репутация моего брата, порядочность семьи Ван, будущее двух моих замужних племянниц, были полностью проигнорированы. А что же я?

В глазах госпожи Ван потемнело, когда она услышала саркастичные слова собственной дочери. Она была на грани обморока, но хлопала в ладоши и закричала:

— Вы хотите, чтобы я умерла?! Вы хотите, чтобы я умерла за вашу старушку!

Чанбай помог Ван Ши сесть.

— Как это можно сравнивать? — повернувшись, произнёс он. — Моя бабушка теперь не знает, выживет она или умрёт, и сможет ли жить, как раньше. Её отравили злые люди, придумав ужасающий план. Моя бабушка не ошибалась, когда злилась на мою непочтительную тётку.

Минлань опустила голову, чтобы стереть слёзы из уголков глаз, её губы скривились. Её старший брат никогда в жизни не поддавался эмоциональным угрозам, похожим на женские уловки «если ты посмеешь, я... прыгну в реку или врежусь в стену», все эти ужимки были совершенно бесполезны и не действовали на него.

Однако госпожа Ван не сдалась и заплакала.

— Если ты не желаешь простить свою тётю, почему бы мне не умереть за неё?! Просто пощади эту глупышку!

— Если было бы можно умереть вместо кого-то, то убийства не были бы запрещены предками, и не было бы законов. Так зачем вы пришли сюда?

Госпожа Ван ощутила горечь, но собиралась продолжить просить снова, однако внезапно услышала тяжёлый удар по столу. Шен Хун встал, его лицо было бледным.

— Нет необходимости больше говорить об этом, — торжественно произнёс он. — Госпожа Кан, урождённая Ван, должна быть наказана! Если тёща настаивает на том, чтобы устроить большой шум, чтобы спасти жизнь своей старшей дочери, тогда давайте поднимем большой шум. Семью Шен нелегко запугать!

Чем больше он слушал то, что говорили его тёща, жена и дети, тем больше он злился. Всю свою жизнь он был чиновником, искренним человеком, его дом был обжитым, а дети в большинстве своём были выдающимися. Он не эксплуатировал и не угнетал слуг и народ, не участвовал в политической борьбе за престолонаследие, он старался никого не обижать. После того как он был таким осторожным в течении десятилетий, он так легко попался в ловушку мерзкой ядовитой женщины из-за своей глупой жены. Сегодня, видя, что семья Шен больше не сможет быть процветающей из-за того, что случилось подобное, видя, как рушится карьера его самого важного, самого талантливого и любимого старшего сына, он был в ярости. Это действительно было невыносимо!

Кого он спровоцировал?! Он действительно хотел убить тётушку Кан! Он не делал ничего плохого, чтобы теперь всё пришло к этому!

— Я спрашиваю себя, хорошо ли я относился к семье Кан? — сердито продолжил Шен Хун. — Будь то деньги или судебный процесс, я делал всё возможное, чтобы помочь им всем, чем можно. И после этого сестра моей жены таким образом отплачивает моей семье? Моя мать её недолюбливает, поэтому она желает отнять жизнь моей матери! Я смею спросить свою тёщу, кем вы считаете семью Шен?! Хочется отравить, значит, можно отравить? Хочется подставить, значит, можно подставить? Какая беспринципность! Смотри на семью Шен, вы думаете, нас легко запугать!

Лицо госпожи Ван было пепельным, её никогда в жизни так не высмеивали, она всегда была довольна своим вторым зятем, который был успешен, приятен и почтителен, и всегда уважал её.

— Теперь я понимаю, тётушка Кан ничего не боится, ведь её, словно Небеса, охраняет моя тёща! Кажется, моя тёща смотрит на меня свысока! — глубоко вздохнув, усмехнулся Шен Хун. — Она ожидала, что я буду слаб, и что меня будет легко обмануть и запугать! Использовать официальную карьеру моего сына и репутацию всей моей семьи, чтобы запугивать семью Шен! Хорошо! Прекрасно! Если вы хотите суда, мы идём в суд! — он вдруг повернулся и указал на дядюшку Вана. — За эти годы сестра моей жены забрала столько жизней, что и не сосчитать.

Сколько смертей дядюшка прикрыл для нее, и сколь многих заставили замолчать. Пойдемте в суд. Я хочу посмотреть, сможет ли тётушка спасти свою жизнь, если её накажут за несколько преступлений!

Как только эти слова прозвучали, лицо тётушки Ван внезапно изменилось, она сильно дёрнула мужа за рукав и бросила на него свирепый взгляд. Дядюшка Ван обливался потом. Шен Хун знал о многих событиях, и, хотя дядюшка Ван помог скрыть некоторые из этих секретов, большинство из них были связаны с деньгами. Если эти старые события из прошлого будут обнародованы, не только тётушке Кан придёт конец, но, вероятно, и его официальное положение окажется под угрозой. Думая об этом, он поспешил к госпоже Ван.

— Мама...

Как могла госпожа Ван не видеть полные мольбы глаза сына? Её сердце было холодно, как лёд, и полно печали. Она откинулась на спинку кресла, её руки сильно дрожали, лёжа на подлокотниках. Ей нечего было сказать, она до сих пор не могла поверить, что потерпела такое сокрушительное положение.

Минлань наблюдала за её выражением лица, и легко поняла, что эта старуха только что подняла белый флаг в глубине своего сердца. Она ощутила себя невероятно счастливой, но не подала виду.

Она оглядела других, но Гу Тинье смотрел на неё, не отрываясь.

В это время снаружи прибежала служанка. Минлань слегка удивилась, и спросила:

— Цхуйпин, зачем ты здесь?

Лицо Цхуйпин было всё в слезах, но, оказалось, это были слёзы радости. Она упала на колени и воскликнула:

— Пожилая госпожа проснулась!.. Старшая служанка Фан велела мне поторопиться и доложить! Пожилая госпожа проснулась!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба, все тут же встали.

Шен Хун вздохнул с облегчением. Больше нет нужды беспокоиться.

Всё тело Ван Ши ослабло: по крайней мере, ей больше не придётся терять свою голову.

Госпожа Ван выпрямилась в кресле: она больше не потеряет свою жизнь.

— Спасибо, Небеса! — Минлань расплакалась и с улыбкой несколько раз воздела руки к небу.
— Татхагата Будда, Гуаньинь, Бодхисаттва, я обязательно буду есть больше овощей и не буду привередливой в будущем, не стану есть убитых!..

Гу Тинье молча смотрел на неё с нечитаемым выражением на лица.

Это был фулл-хаус за одним исключением.

Чанбай по-прежнему был безэмоционален. Увидев, что на столе нет пустой чайной пиалы, он взял чайник и вылил его прямо в рот — торопливо сглотнул. Смертная казнь отменялась, пострадавший был жив. Оставалось определиться, каким будет наказание для преступников.

Он более двух лет прожил в качестве уездного судьи и не зря принимал судебные иски от простого народа. Поставив чайник на стол, он понял, что у него есть идея

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876465>